

МИГ
ВЫБОРА

ТРИЛЛЕР
УЖАСЫ

АДЕЛЬ

КАЖДАЯ ДВЕРЬ—
ЭТО МИР, ГДЕ ТЫ МОГЛА БЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВА

Анна Вогудаева

Адель

<https://litres.ru/74316147>

SelfPub; 2026

Аннотация

Адель уже почти смирилась с тем, что её жизнь подходит к концу. Но однажды к ней поступил звонок. К ней привезли странную дверь, за которой скрываются другие миры.

В каждом из них всё знакомо — и всё совершенно иначе.

Люди, которых она потеряла, могут быть живы. Её судьба могла сложиться по-другому. А сама она может оказаться совсем другим человеком.

Но чем больше Адель открывает дверь, тем сложнее становится понять, какой из этих миров действительно её. И сколько придётся потерять, чтобы получить другую жизнь?

Содержание

Глава	4
I	5
II	15
III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Адель

Глава

I

В тот день, когда ей сообщили, что она скоро умрёт, она ещё не знала, что смерть — лишь один из возможных исходов. Врач говорил спокойно, почти буднично. Слова о болезни, лечении и сроках звучали так, будто речь шла о чём-то далёком и не имеющем к ней отношения.

— Месяц, — наконец произнёс он. — Может быть, немного больше.

Она кивнула.

За окном шёл дождь. Капли медленно стекали по стеклу, сливаясь друг с другом и оставляя после себя тонкие прозрачные дорожки.

— Вы меня слышите?

— Да.

— Вам кто-нибудь позвонит?

Она снова кивнула.

У неё был только сын, он очень редко её навещал, у него были частые командировки. Внуки же не появлялись вовсе. Она понимала их, у каждого была своя жизнь, работа, дети, счета, планы. Ей не хотелось становиться человеком, которому постоянно нужно уделять время только потому, что он стареет.

Поэтому она научилась отвечать:

«— У меня всё хорошо».

Даже когда всё было не очень.

«— Мне ничего не нужно».

Даже когда нужно было.

Врач что-то ещё говорил, но она уже почти не слушала, она смотрела на свои руки:

старые, худые, покрытые мелкими пятнами. Когда-то эти руки казались ей сильными: они держали её детей, готовили еду, стирали одежду, гладили мужу рубашки перед работой.

Теперь они едва заметно дрожали. Она спрятала их под рукава кофты.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил врач.

Она посмотрела на него.

— Да.

Но на самом деле не понимала, не до конца. Смерть всегда казалась ей чем-то, что случается с другими: сначала с родителями, потом с друзьями, потом с мужем. Все вокруг неё постепенно исчезали, один за другим, только потом до неё доносили плохие вести. На похороны некоторых близких она уже не могла ходить — врачи запрещали ей сильные переживания, предупреждая, что от невыносимой боли сердце может не выдержать.

Теперь очередь дошла до неё.

Она вышла из больницы уже под вечер. Дождь почти закончился, но воздух оставался влажным и холодным. Дорога домой показалась ей непривычно длинной, хотя раньше она проходила её почти не замечая.

Дома всё было так же, как утром: на кухне стояла чашка, которую она не успела убрать, на подоконнике желтел небольшой цветок, часы над дверью отставали на четыре минуты — она давно собиралась их перевести, но почему-то так и не сделала.

Одна из её маленьких радостей была вести дневник. Она записывала туда все свои мысли и переживания, чтобы потом перечитывать через много лет и проживать эти дни заново. Иногда к ней приходила её соседка — Ингрид, она была той ещё стервой, но к ней она уже давно привыкла и к её стервозному характеру. У Ингрид был необычайной красоты пёс по кличке Оскар. Он был абсолютно не похож на свою хозяйку: большой, волосатый бернский зенненхунд. Он был добрым, но глуповатым: постоянно лез во всё, куда поместится, обшаривал все углы и часто воровал съестное.

— Оскар, ты идиот!

Ингрид часто ругала его за воровство. Однако в ответ дружелюбный, человеколюбивый пёс только радостно махал хвостом, думая, что его похвалили.

Вообще, если человек знает, что его всё равно не поймут, моральные рамки почему-то становятся немного слабее. Людей словно тянет сказать что-нибудь обидное, когда они уверены, что их слова останутся без последствий. Наверное, именно поэтому Ингрид могла совершенно спокойно назвать Оскара идиотом, а через минуту погладить его по голове и дать ему кусочек сыра.

— Ты ведь всё равно ничего не понимаешь, — говорила она.

Оскар смотрел на неё своими большими добрыми глазами и продолжал махать хвостом. Когда дети или молодые люди замечали, что пожилой человек плохо слышит, они порой начинали говорить за его спиной всякие непристойности, думая, что им всё сойдёт с рук. Она не раз сталкивалась с подобным. Но иногда ей удавалось услышать, что они говорят, и это причиняло ей много боли. Поэтому она иногда завидовала способности Оскара ничего не понимать. Она слышала насмешки, грубые шутки и неприятные замечания о своём возрасте. Иногда люди обсуждали её прямо за спиной, считая, что она ничего не понимает. А может быть, Оскар что-то понимал, но он любил её сильнее, чем мог обидеться? Либо он был слишком глупый, чтобы задумываться.

— Ну-с, как поживаешь? — с улыбкой спросила Ингрид. — Небось, ходила сегодня куда-нибудь? Видела, что сегодня по телевизору крутили? Одну жуть показывают! Ой, что же сейчас с миром происходит! Страсть какая! Посмотришь новости — аж глаза на лоб лезут!

— Я уже давно перестала их смотреть. Нервы ни к чёрту. Сегодня вот у врача была.

Ингрид сразу посмотрела на неё внимательнее.

— Ну что, и как здоровье? Боюсь спросить, — с ухмылкой произнесла она.

— Да потихоньку, помаленьку. Пока жить буду.

— «Пока жить буду», — передразнила Ингрид. — Что это ещё за ответ такой?

— Обычный.

— Ничего обычного. Ты же знаешь, я тебя насквозь вижу.

— Вот только этого мне и не хватало.

Они обе засмеялись. Оскар тем временем прошёл между ними, едва не задев хвостом журнальный столик. На столике звякнула чашка.

— Оскар! — резко крикнула Ингрид.

Пёс остановился и посмотрел на неё.

— Не трогай ничего!

Оскар радостно замахал хвостом.

— Видишь? — Ингрид покачала головой. — Совершенно безмозглый.

— Зато счастливый.

Женщины погладили пса. Она снова посмотрела на неё и продолжила:

— Так что сказал врач? Давай, колись!

Женщина отвела взгляд.

— Сказал, что жить мне осталось недолго.

Ингрид перестала улыбаться.

— Насколько недолго?

— Около месяца.

В комнате стало тихо.

Даже Оскар, словно почувствовав перемену, перестал возиться с ковром и подошёл к хозяйке.

Ингрид долго смотрела на неё. Они долго молчали и смотрели на лежащего пса.

— Ну, ё-моё...

Она села ближе.

— Милая Адель, ты почему мне раньше-то не сказала?

— Да не начинай.

— А я и не начинаю, — раздражённо ответила Ингрид.

Она отвернулась к окну. Несколько секунд обе молчали.

Потом она тихо спросила:

— Ты боишься?

Женщина посмотрела на неё.

— Нет... Я отжила своё. Мне хватит.

Ингрид закатила глаза и начала передразнивать:

— «Хватит», видите ли, ей! А может, другим тебя не «хватит»!

В воздухе повисло отчаяние.

— Твой сыночка-то тебя хоть навещает?

— Год назад в последний раз был, он очень занят, у него командировки.

— Да какие командировки! — фыркнула Ингрид. — Плевал он с высокой колокольни на тебя! Ему дом твой нужен! Продаст подороже с ремонтом — и отчалит восвояси!

У Адель на лице возникли раздражение, стыд и отчаяние. Она не хотела верить, что она права. Этого не может быть. Она надумывает. Благодаря ей он сейчас жив и продолжает прекрасно жить. Когда она была молода, она отдала ему всё,

что могла; он не виноват, что его начальник — абсолютно бессердечный человек! И нет ему никакого дела до семейных ценностей!

— Не говори так.

— А как мне говорить?

— Ты не знаешь, о чём говоришь.

— Зато я вижу, что происходит! А ты, похоже, мало того что глухая, так ещё и, походу, слепая!

У Адель полились слёзы, она пыталась не заплакать. Он не виноват, что работа забирает всё его время. Не виноват, что доехать до неё — несколько часов.

Не виноват...

Адель повторила эти слова про себя ещё раз.

Не виноват.

И почему-то от этого ей стало только больнее.

Ингрид увидела слёзы на её лице, и её выражение лица и голос стали мягче.

— Прости меня, дуру старую. Я не знала, что говорю. Мне правда совестно. — Она осторожно вытерла слёзы с лица Адель. — Я очень тобой дорожу. Просто у меня душа за тебя болит. Иногда мне кажется, что наша жизнь могла сложиться совсем иначе.

Адель всхлипнула и посмотрела вниз.

— Ты когда-нибудь об этом думала? — тихо спросила Ингрид.

— О чём?

— О том, какой могла бы быть твоя жизнь.

Адель ненадолго задумалась.

— Нет, — наконец ответила она. — Не думала. Мне и в этой жизни хорошо.

Она помолчала.

— Я очень люблю своего сына. И он меня любит. Я всегда буду на его стороне.

Ингрид посмотрела на неё долгим, понимающим взглядом.

— Даже если однажды окажется, что ты ошибалась?

Адель подняла глаза.

— Тогда я всё равно буду любить его, как и раньше.

Ингрид ничего не ответила. Она посмотрела на неё понимающим взглядом. Оскар начал тереться об их ноги, будто успокаивая.

— Иди сюда, глупый, — тихо сказала Адель.

Оскар тут же подставил голову под её ладонь. Она погладила его по густой шерсти.

— Видишь, Ингрид? Вот кто точно никогда меня не предаст.

— Он тебя и предаст, если ты оставишь на столе колбасу, — фыркнула Ингрид.

Адель впервые за весь вечер улыбнулась.

— Ну хоть честно.

Потом они ушли, оставив её в одиночестве и тишине.

«Иногда мне кажется, что наша жизнь могла сложиться

совсем иначе. Ты когда-нибудь об этом думала?». Она действительно об этом не задумывалась. Её жизнь была совершенно спокойной и непримечательной. Она не росла в бедности — это точно. В детстве у неё всегда была еда на столе, чистая одежда и собственная кровать. Родители не баловали её, но и ни в чём необходимом не отказывали. Она хорошо училась, хотя никогда не была лучшей в классе. После школы поступила в университет на бухгалтера.

Хотя её близкие ей говорили:

«Зачем тебе университет? Выйдешь замуж — и будешь заниматься семьёй».

Несмотря на это, в университете она встретила будущего мужа, вышла замуж и через несколько лет родила сына. Всё происходило будто само собой.

Она никогда не строила грандиозных планов. Не мечтала стать знаменитой, не хотела уехать в другую страну, не представляла себя богатой или влиятельной. Ей всего хватало — и этого было достаточно. В итоге образование ей не пригодилось. По иронии судьбы, она действительно стала домохозяйкой с ребёнком, а муж работал преподавателем физики в университете.

Он умер в 2015 году, его сбила машина пока он торопился на лекцию. Водитель безжалостно уехал на полной скорости и найти его так и не смогли. Это был самый трагичный день в её жизни, с ней остался только её сын — Стефан. Ей всегда казалось, что он любил больше отца. Всё-таки сыну нужен

отец, в первую очередь, а мать стала всего лишь для него обузой.

II

На следующий день Адель решила найти свои старые альбомы с фотографиями. Её не покидала фраза Ингрид: «Что было бы, если бы ей дали шанс начать всё заново?» Это была очень интересная идея. Она начала разворачивать альбомы страница за страницей. Она смотрела, как в детстве она была белокурой красавицей с ямочками на щеках; она любила ходить в платьях, которые шила для неё её мама. Она любила нежно-розовый цвет, и почти все платья были в нежных оттенках. В школе она была первой красавицей, но в университете было много девушек, которые в большей степени превосходили её в этом. В тот момент её перестали замечать, и она всю себя отдавала учёбе. Она ненавидела вечеринки и громкие посиделки, ей не нравился ни алкоголь, ни тем более то, что сейчас эта глупая молодёжь принимает! Аж страшно думать о таком! Но друзей у неё было много, она всю себя отдавала людям. О будущем она тоже не думала, всё шло по течению, и её это полностью устраивало. Из-за этого, наверное, какие-то грустные вещи казались более трагичными, чем они были на самом деле.

На фотографиях она увидела Ингрид.

— Такая же бесстыжая девчонка!

Она стала улыбаться. Ингрид всегда была своей среди пар-

ней. Платья она не любила, а таких девушек, как Адель, в юности откровенно недолюбливала. Ей нравились вечеринки, яркая и удобная одежда. Она никогда не боялась выделяться и всегда говорила то, что думала, даже если её никто не спрашивал. Наверное, именно поэтому судьба и свела их вместе. Они были совершенно разными — словно Инь и Ян.

Адель перелистнула несколько страниц.

На следующей фотографии был её будущий муж. Он выглядел почти так же, как она его помнила: худощавый, серьёзный, с аккуратно уложенными волосами и выражением лица человека, который в любой момент мог задуматься о чём-то настолько важном, что переставал замечать окружающих. Он был очень скромным и почти никогда не улыбался на фотографиях. Вечеринки тоже не любил, как и вычурно наряженных девушек.

— Зануда, — с улыбкой пробормотала Адель.

Он постоянно занимался работой. Даже дома на его столе всегда лежали книги, тетради и какие-то расчёты. Иногда он мог просидеть над ними до глубокой ночи, совершенно забывая о времени. Стефан явно пошёл в него.

Адель перевернула страницу. На одной из фотографий он кривлялся — наверное, когда она его фотографировала, это уже были девяностые. Когда она перевернула фотографию, там действительно было указано: «*Май. 1992*». «Карл показал своё истинное лицо!» Она эту фотографию даже и не помнила; может, это фото делала и не она, но сложно вспом-

нить, как оно оказалось тогда в её альбоме. К сожалению, с возрастом память, как и слух, тоже начала её подводить. Когда-то ей казалось, что жизнь — это что-то огромное. Будущее казалось бесконечным, а прошлое — совсем маленьким. Казалось, что впереди ещё столько времени, что можно успеть всё, а потом всё произошло наоборот. Теперь вся её жизнь помещалась в несколько альбомов, коробку с письмами и несколько старых дневников.

Она посмотрела на фотографию Карла. Он всё ещё улыбался ей своим редким, почти незаметным выражением лица.

— А ведь я бы всё равно выбрала тебя, — тихо сказала Адель.

И сама удивилась тому, насколько уверенно прозвучали эти слова. Она не знала, правда ли это. Но ей хотелось, чтобы было правдой. Потому что если существует хотя бы одна другая жизнь, в которой она могла сделать всё иначе, значит, где-то существует и другая Адель. Она вдруг почувствовала странный холод. Получается, всю жизнь она была уверена, что постепенно становится собой.

А что, если всё было наоборот? Что, если с каждым годом она теряла прежнюю себя и становилась кем-то новым?

Тогда смерть — это действительно конец?

Или всего лишь последняя смена человека, которым она больше не будет?

Она смотрела на фотографию. На ней была молодая

Адель. Девушка смотрела прямо в объектив и улыбалась так, будто впереди у неё было бесконечное количество времени. Адель почувствовала к ней зависть. Девушка на фотографии ещё не знала, что в будущем её муж трагично умрёт и она не успеет с ним попрощаться, друзья перестанут ей звонить и только по слухам она будет узнавать об их смерти, сын её бросит, а внукам до неё не было никакого дела. У неё была зависть к её незнанию.

Страшнее узнать, что твоя жизнь могла быть совсем другой — и уже никогда не иметь возможности проверить, какой именно. Она открыла глаза. В комнате было тихо. На фотографии молодая Адель всё ещё улыбалась.

В этот момент в дверь кто-то постучал.

— Добрый день! Вы супруга Карла?

Удивительно, что она буквально только что его вспоминала, и кто-то пришёл также напомнить о нём.

— Всё верно, а что произошло?

Перед ней стоял человек в одежде курьера: на голове кепка, на кофте эмблема какой-то компании.

— Да ничего такого, просто в университете попросили передать вам его некоторые вещи. Будете принимать? Или мне сказали их выбросить?

— Некоторые вещи? Спустя столько лет? А как так получилось, что университет только сейчас надумал мне их отдать?

Мужчина нахмурился.

— Я понятия не имею, они меня об этом не уведомляли. Меня послали к вам их передать и узнать, будете вы их забирать или нет.

Адель задумалась: в её доме и так полно различного барахла, которое жалко выбрасывать. А с его работы вряд ли было что-то стоящее. Тем более какая уже разница? Она всё равно скоро умрёт, уже мало в чём был какой-то смысл.

— Выкидывайте! Мне-то они зачем?

— Понял вас, всего доброго!

— Что?

Мужчина начал кричать:

— Всего доброго! Хорошего дня!

— А, и вам того же, благодарю!

Мужчина начал уходить. Дверь на улицу осталась приоткрытой. Адель уже собиралась закрыть её, когда вдруг заметила грузовик. Она нахмурилась. Несколько секунд просто смотрела на него, а затем начала протирать очки краем кофты. Ей показалось, что она что-то перепутала.

На кузове стояла знакомая эмблема университета. Но дело было не в ней. Из грузовика двое мужчин выгружали что-то большое, накрытое серым брезентом.

Адель прищурилась.

— Это ещё что такое?..

Один из мужчин потянул за край ткани. Брезент сполз. Адель застыла. Под ним находилась массивная металличе-

ская конструкция, напоминающая дверную раму. Это была... дверь? По краям проходили толстые кабели, уходящие неизвестно куда. И куча перевязанных бумаг. Он что... в университете делал двери? Адель начала идти к грузовику.

— Постойте! Остановитесь!

Мужчина обернулся и начал идти ей навстречу.

— Вы передумали?

Адель пыталась отдышаться: она давно так быстро не ходила.

— Да, несите ко мне, хочу посмотреть, что он делал.

Мужчина улыбнулся, будто знал, что так и будет.

— Эй! Она согласна! Заноси в дом!

Вышел второй мужчина и начал вместе с первым заносить тяжести в дом. В основном там была куча бумажной волокиты и блокнотов, и вишенкой на торте была эта дверь с дверной рамой. В любом случае разницы уже нет, хлам в доме — уже не её проблема, а её сына. Потом он от всего избавится.

Когда мужчины занесли всё нужное из грузовика в дом, они попрощались и уехали. Адель снова осталась одна в тишине. Она начала рассматривать бумаги Карла, там была куча разных формул и непонятных ей знаков. Она хоть и тоже была тесно связана с математикой, но эти формулы и знаки были будто языком с другой планеты. К сожалению, в её доме не было компьютера и интернета. Максимум, чем она занималась, — это вязанием крючком, разговорами с Ингрид и наглаживанием её пса по кличке Оскар, ну и иногда Ин-

грид заносила к ней интересную литературу, и они читали друг другу.

На одном из листов крупно было написано:

«Если существует бесконечное количество исходов, они не могут исчезать бесследно».

А ниже:

«Вопрос не в том, существуют ли они. Вопрос в том, можно ли получить доступ к другому исходу».

Адель перечитала несколько раз.

— Что ты там опять придумал, Карл...

Она перевернула страницу. Там была схема, напоминающая несколько одинаковых кругов, соединённых между собой линиями. В центре каждого круга стояла одна и та же буква: А.

Под одним из них Карл написал:

« A_0 — исходная система».

Под другим:

A_1 — отклонение.

Ещё ниже:

A_2 — отклонение от отклонения.

А рядом было написано:

«Если наблюдатель способен перейти из A_0 в A_1 , то для него A_1 перестаёт быть альтернативой. Она становится реальностью».

Адель нахмурилась.

— Карл...

На одной странице было написано:

«Адель — не говорить. Если эксперимент срывается, она не должна знать».

Она замерла. Несколько секунд просто смотрела на собственное имя. Затем медленно перелистнула страницу. Адель почувствовала, как у неё задрожали пальцы. На ней был Карл, а рядом с ним была она, намного моложе. Она поднесла фотографию ближе к глазам, у неё была уверенность, что никогда раньше эту фотографию не видела.

На обратной стороне было написано:

«Первый контакт. 1982 год».

И впервые за весь вечер ей стало по-настоящему страшно. Потому что она совершенно точно помнила 1982 год и не помнила никакого эксперимента, не помнила этого места. И уж тем более не помнила того, что было написано на следующем листе:

«Я любил тебя любую. Я понял, что всегда выбирал и выберу тебя. Прости, что я тогда ушёл и потерял навсегда».

Она провела пальцем по строчкам. Бумага была сухой, но в некоторых местах чернила расплылись. На полях остались небольшие неровные пятна, словно когда-то на них падали слёзы. Карл никогда не плакал. По крайней мере, Адель никогда этого не видела. Следующие страницы были такими же: в схемах, в формулах. Она их не понимала и просто убирала в сторону. Она нашла ещё одну фотографию, но перевёрнутой, на задней стороне было написано:

«1990. Я люблю тебя.»

Она перевернула фотографию: там была девушка, похожая на неё, она улыбалась. На ней было свадебное платье, на нём — костюм. На фотографии он целовал её в щёку, а она смотрела в камеру. Было очевидно: любовь всей её жизни, отец её ребёнка, предательски обманывал и изменял ей всё это время. Ничего больнее быть не могло, и это произошло в последний месяц её жизни. Её хватил удар, сердце разрывалось на части.

— Ты лгал, ты мне лгал!

Она начала рвать всё, что видела: чертежи, схемы, формулы, любые фотографии. Ей хотелось кричать от боли: она не видела родного сына уже год, он не звонил и не писал ей, внукам на неё плевать, а муж, которому она посвятила половину своей жизни, ей изменял. Она была никому не нужна, её предали и бросили. Адель схватилась за сердце. Сначала она почувствовала странное давление в груди. Тяжесть, будто кто-то положил ей на грудь что-то огромное; она задыхалась, ладони стали влажными, по спине прошёл холодный пот, сердце колотилось так сильно, что она чувствовала каждый удар, а потом вдруг показалось, что оно сбилось с ритма.

— Разряд!

Видимо, она не доживёт этот месяц. Да и зачем было жить? Всё было абсолютно бесполезно.

— Ещё разряд!

Перед ней мелькали фотографии, они расплывались в гла-

зах. На одной всё ещё улыбалась девушка, которая не знала, что будет дальше.

— Разряд!

Она открыла глаза уже в больнице. Первое, что Адель почувствовала, — сухость во рту. Потом пришла боль. Грудь словно была стянута тугой повязкой, каждый вдох давался тяжело. Во рту было что-то чужое, на пальце — зажим, а рядом мерно пищал какой-то аппарат. Адель несколько секунд смотрела в потолок. Она попыталась пошевелить рукой.

— Не вставайте.

Голос раздался откуда-то сбоку.

Адель повернула голову.

Рядом стояла женщина в медицинской форме.

— Вы меня слышите?

Адель кивнула.

— Вы в больнице. Вы перенесли инфаркт.

Она закрыла глаза.

— Прошу, оставьте меня одну.

Адель отвернулась к окну: за стеклом был вечер, небо темнело. Она смотрела на него и думала о том, что врач вчера сказал ей: максимум месяц. Теперь ей оставалось ещё меньше. Медсестра не уходила, а продолжала смотреть на неё.

— Я сейчас уйду, но перед этим я хочу рассказать вам о вашем состоянии.

— Мне уже неинтересно, для меня это уже не имеет никакого значения.

Медсестра тяжело вздохнула.

— Я вам должна рассказать. Вы можете меня просто не слушать, если не хотите, но мне надо вас проинформировать о случившемся.

— Говорите.

— У вас был острый инфаркт. Сердце на какое-то время перестало нормально работать, началась опасная аритмия. Вас пришлось реанимировать и провести дефибрилляцию.

Сейчас состояние стабильное, но вам очень повезло.

Адель с трудом сглотнула.

— Я... умерла?

— У вас произошла остановка кровообращения. Да, можно сказать, вы были в состоянии клинической смерти. Но вас удалось вернуть. Если всё будет стабильно, через несколько дней вас переведут из реанимации в обычную палату. А потом, если не будет осложнений, сможете поехать домой. Но сразу после такого состояния вам нельзя оставаться одной.

— Мне осталось жить около месяца. Не думаю, что несколько дней в больнице что-нибудь изменят.

— К сожалению, это решать не вам.

III

Адель провела в больнице семь дней. Первые двое суток она почти не вставала с кровати. За её сердцем постоянно наблюдали. Врачи говорили, что ей повезло: сердце пострадало, но состояние постепенно стабилизировалось. На третий день её перевели из палаты интенсивного наблюдения в обычную. Там было непривычно тихо. Адель много спала, быстро уставала и почти не разговаривала. Иногда ей казалось, что даже обычный поход в туалет требовал от неё слишком много сил. Грудь время от времени побаливала, а при попытке сделать слишком глубокий вдох появлялось неприятное ощущение тяжести.

На седьмой день врач разрешил ей вернуться домой.

— Только без нагрузок, — предупредил он. — Лекарства принимайте строго по схеме. Если появится сильная боль в груди, одышка, холодный пот или резкая слабость — сразу вызывайте скорую.

Адель кивнула.

— Я поняла.

Она получила выписку, несколько упаковок лекарств и длинный список рекомендаций. Когда она вышла из больницы, был поздний вечер. Воздух оказался холоднее, чем она ожидала. Адель остановилась на ступеньках и глубоко вдох-

нула. Сердце тут же напомнило о себе лёгкой тяжестью. Она больше не чувствовала себя прежней. За эти семь дней её тело словно стало чужим. Даже собственные ноги казались непривычно слабыми. Она шла медленно, делая небольшие шаги, и несколько раз останавливалась, чтобы отдышаться. Но сильнее всего изменилось не тело. Изменилось её отношение к смерти. Неделию назад она была уверена, что смерть скоро придёт за ней и ей уже нечего терять. Теперь, пережив её почти вплотную, Адель неожиданно поняла, что умирать не хочет. По крайней мере, пока. Ей нужно было кое-что узнать. Одна мысль не давала ей покоя всю дорогу домой.

«Дверь.»

Когда Адель наконец вошла в квартиру, первое, что она заметила, — разбросанные на полу бумаги. Она замерла. Всё было именно так, как она оставила: разорванные фотографии и чертежи валялись на полу. И среди всего этого — металлическая дверь.

Адель медленно сняла пальто. Сердце забилося чуть быстрее. Она посмотрела на неё.

— Ну что же, Карл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.